

Ключові слова: синхроністичність, квантова фізика, психофізична проблема, ефект Ейнштейна – Подольського – Розена.

SUMMARY

A.V. Vertel. Synchronicity and mind-body problem (the issue of time assumes the acausal).

The article discusses the possibility of solving the psychophysical problem from the standpoint of «holistic» concept of the One World, through the phenomenon of «synchronicity». It has been shown that the individual consciousness in its deepest basis coincides with the absolute being. Thus, one of the possible solutions of the psychophysical problem is the integration of the concepts of psychophysical parallelism and dualism of the physical and mental. The main alternative interpretations of quantum mechanics in the light of psycho-physical continuum were analyzed.

Keywords: synchronicity, unconscious, quantum physics, postnonclassical paradigm.

УДК 221.3:581.524

Е. А. Лебедь

Сумской государственной университет

КОРРЕЛЯТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЕ И СОВРЕМЕННАЯ ЭКОЛОГИЯ

На примере отношений насекомых-листоедов с хвойными лесами анализируется возможность взаимодействия матриц китайского (даосского) мироощущения с новейшей парадигматикой науки (экологии). Показано, что в мировоззренческом аспекте фундаментальные идеи даосизма резонируют с современными экологическими представлениями.

Ключевые слова: ориентиры цивилизационного развития, экология, экосистема, насекомые-листоеды, Дао, вещь, присутствие, сущность, процесс.

В настоящее время наука рассматривается как развивающаяся и функционирующая в особом режиме, который предполагает обострение внимания к решению проблемы выбора стратегий цивилизационного развития, переформатирования мировоззренческих ориентиров. Это связано, прежде всего, с особым призванием науки в преодолении глобальных кризисов, обеспечении выживания и дальнейшего развития человечества. В этих сложных условиях философско-мировоззренческие основания новой картины мира, становящейся все более открытой и диалогичной, резонируют, в том

числе, и с широким спектром фундаментальных идей восточных философий и религиозных систем.

Исходя из этих предпосылок, восточные религиозно-философские учения включаются в комплекс новых мировоззренческих ориентиров цивилизационного развития (В. С. Степин). Недуальное мышление в синергетике называется «мышлением в духе Востока» (Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов). В экологической философии и этике к Востоку также обращается пристальное внимание. Экологическая эстетика выдвинула идею экологического экуменизма как необходимости изменения отношения к природе в глобальном масштабе, исходя из «восточной модели».

Не чуждые компаративистике трансдисциплинарные исследователи, и прежде всего те, которые связывают себя с синергетикой, обращают внимание на совпадение базовых положений своей науки с основаниями даосизма. Синергетика, по мнению ее адептов, исповедует принцип ухода от прямых споров и контрпродуктивных конфронтаций, потому что она, якобы, основана на стратегии сетевого мышления, intersubъективной коммуникации, диалогичности и креативности. Показательны апелляции синергетических авторов к концепту Дао: «Дао Небес не ведает пристрастия и неизменно помогает добрым людям»; «Дао Премудрого человека действует без противоборства» [4, 170]. Следует уточнить, что в раннем даосизме, к которому обращаются адепты новой парадигматики, особенность Дао не в человеческих, а в небесных ипостасях, ибо истинный путь выше путей человеческих. В «Даодэцине» (Гл. 5) говорится: «Небо и Земля не человечески. Они видят в десяти тысячах вещей лишь соломенных собак; Премудрый человек не человечесен, он видит в ста фамилиях лишь соломенных собак» [4, 149]. Ритуальных соломенных собак изготавливали перед празднествами и выбрасывали сразу же после них. Эти собаки имели ценность лишь в момент их непосредственного использования. Небо и Земля равнодушны к человеку, в своем величии превосходя все, в том числе и «гуманизм», к которому призывали оппоненты даосов – конфуцианцы, т. е. те, «кто подбирает лежалые чучела собак» [11, 148].

Сегодня возникла своего рода мода на все восточное, напоминающая моду на все китайское в ходе иезуитской интерпретации китайской культуры в XVII-XVIII вв., известную под названием *chinoiserie* (*шинуазри* – «китайщина») [8, 13].

Литература по синологии вообще и по китайским мыслительным практикам и китайскому мировидению, в частности, поистине безгранична. Назову лишь некоторых авторов, труды которых напрямую или косвенно связаны с заявленной темой. Это, прежде всего, М. Гране, Ф. Жюльен, А. И. Кобзев, В. Г. Лысенко, В. В. Малявин, А. А. Маслов, Дж. Нидэм с соавторами, Тань Аошун, Е. А. Торчинов.

В данной статье я попытаюсь ответить на вопрос: возможно ли «вписывание» сокровенной матрицы китайского мировосприятия в новейшую научную парадигматику; иными словами, возможно ли включить даосское учение в комплекс новых мировоззренческих ориентиров цивилизационного развития? Для исследования я остановлюсь на, казалось бы, специальной, сугубо экологической проблеме влияния насекомых-дефолиантов (листоедов), которые в обыденном, а часто и в научном сознании традиционно воспринимаются как вредители, на сообщество леса. Но прежде следует кратко остановиться на базовых чертах китайского (даосского) мировидения.

Китайское мышление, в своих основаниях тяготеющее к нумерологии и классификации, глубоко символично. Символ в китайском универсальном классификационизме является представителем потенциально бесконечного ряда различных сущностей, относящихся ко всем слоям и сферам бытия [3, 36]. В традиционной китайской философии считалось, что именно символы, а не слова или тексты способны исчерпывающе репрезентировать высшие идеи. Через безмолвие символа выражается вся глубина просветленного сознания и сокровенный лик реальности. У современного европейца может вызвать удивление или даже недоумение способность китайцев, которые, презрев привычную для нас логику, могли классифицировать, при этом добиваясь достаточно адекватной гносеологической оформленности. С другой стороны, если в авраамических религиях и в буддизме самой своей быстротечностью и непостоянством мир указывает на нечто, лежащее вне его пределов, на некую трансценденцию, то китайский, выразившийся в даосско-конфуцианской идейно мотивированной общности, мир един и неделим, насквозь имманентен. Это, по точному выражению сиолога Норманна Жирандо, мир хаотического порядка и благого беспорядка. Безличный универсальный Путь – Дао, как и мир в целом, парадоксальным для нас образом имманентны, между Небом и человеком никакого зазора нет. Именно в этом стремлении осмысливать реальность в режиме тотальности Дао и коренится, по мнению исследователей китайской традиционной мысли, начало философии как *правильное* удивление реальности. Дао тотально и безосновно (как и любая вещь, в европейской традиции всегда покоящаяся на основании): «окруженное водами первоистока, Дао растворяет сам вопрос о своем основании – перемешивает его» [1, 43]. Дао, родившееся прежде Неба и Земли, безмолвно, бесформенно, велико, и находит свой исток в безосновной самости.

В этом мире грани между сном и бодрствованием, жизнью и смертью, красотой и безобразием, живым и косным, материей и сознанием просто не существует. Для европейца, мыслящего в рамках причинности как всеобщей связи явлений, в этом заключается последняя тайна китайского мироощущения. В отличие от западной абстрактной логики себестождественности рода, когда лишь подведение восприятия любой вещи под понятие этой вещи (общее как *чтойность*) дает нам возможность познать

ее, даосский мыслитель игнорирует *чтойность* вещи, заранее предполагая ее (*чтойности*) ничтожествование. Его интересует, чем вещь может стать в своей процессуальной текучести, в постоянном движении к непрерывному обновлению, а сознание – в движении за собственные пределы. В этом случае работает другое восприятие и «другая логика», если угодно – поэзия, или то, что мы называем мистикой, которые по своей сущности враждебны строгой позитивной науке. Если же быть точным, то даосы пребывали вне дихотомии рациональное – иррациональное, общее – индивидуальное, вне иерархических схем сущего и мышления, поскольку Дао есть принцип самопревращения духа и вещей-существ, принцип всеобщей общительности человека, всех людей и природы.

Хорошо известны циклические вспышки насекомых-фитофагов в северных районах Северной Америки и Евразии [5, 47–48], например, вспышки численности листоверток (Tortricidae), относящихся к семейству бабочек. Хоботок у них плохо развит, но многие виды сосут воду, сок, вытекающий из поврежденных стволов деревьев. Гусеницы живут в листьях, свернутых при помощи шелковинных нитей, нередко в плодах, стеблях, под корой и на корнях. В словарях и учебниках часто пишут о листовертках как о серьезных вредителях сельского и лесного хозяйств.

Интересно, что популяционные циклы численности этого вида представляют собой явления экосистемного уровня, поскольку эволюция насекомых-листоедов, их паразитов и хищников, а также хвойных деревьев (ели и бальзамической пихты) строго сопряжена и/или протекает совместно. Это пример многовидовой коэволюции, когда *причины и следствия не всегда фиксируются в явном виде* (вот и китайский архаичный, а потому «ненаучный» принцип коррелятивности). Коэволюция в строго биологическом смысле – это эволюция сообщества, заключающаяся во взаимных селективных взаимодействиях друг на друга двух или более видов. При этом обмен генетической информацией между группами минимален или отсутствует вовсе. Следует не упускать из виду, что структура динамики плотности популяций насекомых-дендрофагов в пределах их ареалов адаптирована к структуре фитоценозов.

По мере возрастания биомассы деревьев в лесу наиболее крупные и старые деревья становятся восприимчивыми к гусеницам листовертки-почкоеда. Многие из этих деревьев погибают от повторяющейся дефолиации. Отмирание и разложение древесины, экскрементов и насекомых возвращает в лесную почву питательные вещества. Менее чувствительные к нападению почкоедов молодые деревья избавляются от затенения, их рост ускоряется и за несколько лет они заполняют полог. Тем временем паразиты и птицы-инсектофаги, совместными усилиями снижают высокую экологическую плотность листовертки-почкоеда.

Если рассматривать существование хвойных лесов на больших временных

интервалах, то очевидно, что листоеды, периодически омолаживая экосистему хвойного леса, представляют собой неотъемлемую часть этой целостной системы («вся тьма существующих неподобий находит себе соответствие в своей природе» [9, 21]), а не являет собой катастрофу, как могло бы показаться всякому, кто видит только мертвые и умирающие деревья в пике цикла. Воистину, «в мире все знают, как познавать непознанное, но никто не знает, как познавать уже известное» [11, 118].

Очевидно, благодаря деятельности насекомых-дефолиантов – так называемых вредителей (некоторых листоверток, пилильщиков, короедов), которые прореживают загущенный древостой, малопригодный для лесозаготовок и обитания в нем животных, создаются более продуктивные леса. По мнению некоторых исследователей, в изолированных лесах следовало бы допускать периодические вспышки «вредителей». Такой взгляд, естественно противоречит традиционным представлениям о мерах борьбы с вредителями, поскольку эти меры предусматривают контроль численности насекомых только в периоды пиковой их численности, и они способны полностью уничтожить деревья.

Другая стратегия, если сосредоточиться на чисто экономическом интересе, может заключаться в том, чтобы использовать в лесозаготовках старые рослые деревья, прежде чем их истребят «вредители». На основе моделей, учитывающих непрерывный цикл развития, к которому адаптирована экосистема хвойного леса, можно предсказывать время вероятной вспышки численности насекомых.

Приведу небольшой текст из главы II «Чжуан-цзы», представляющий типологическую, и отнюдь не искусственную, параллель к очерку о коррелятивной согласованности элементов экосистемы хвойного леса. «Каждой вещи изначально свойственно особое качество, и каждая вещь изначально имеет свои возможности. Нет вещи, которая была бы лишена присущих ей качеств и возможностей... Их (вещей – *Е. Л.*) разделение – это их созидание, их созидание – это их разрушение. Но все вещи – рождающиеся и погибающие – друг друга пронизывают и сходятся воедино. Только человек, постигший правду до конца, знает, что все приходит к одному. Он не прибегает к частным суждениям, но оставляет все сущее на обычном месте» [11, 67]. «Обычное место» вещей, о котором говорит даосский философ, определяется не доксой поверхностных людей и не логическими аргументами, фундамирующими устоявшиеся концепции борьбы с насекомыми-вредителями, для которых не существует «природного равновесия», если иметь в виду наш экосистемный контекст. Оно соответствует чистому Присутствию, или «наполненной Пустоте» и лишь «помещает себя в формы», Пустоте, данной как не-данное. Пустотная целостность бытия – реальность безусловная, но сугубо стохастическая, ничем не детерминированная. Пребывая в Пустоте, мы находимся в чем-то, чего уже нет и еще нет, «в мире *мета-* и *прото-*»

(В. В. Малявин).

«В присутствии лежит сущностная тенденция к близости» [10, 105], – напрашивается параллель с М. Хайдеггером, мысль которого раскрывается в резонансе с доктриной интимной близости человека и природы, его доверительной со-причастности миру, единсущности человека и космоса в традиционной культуре Китая. Близость не в смысле «рукой подать» или «рядом». Дистантные категории здесь не срабатывают и это очевидно. Наши современные технологические возможности ускорения и преодоления пространства-времени, будь-то телекоммуникации, интернет, мобильная связь или средства передвижения отнюдь не *при-ближают* нас к *чему-то*, не делают *это* чем-то близким нам. Несмотря на свой, казалось бы, «объективный» активизм, они пассивны, потому что не выражают бытийную конституцию присутствия. Наоборот, эти средства *от-даляют* от нас повседневный мир на пути, как говорит Хайдеггер, разрушающего расширения самого этого мира. Наш рассеивающийся (Ж. Деррида уточнил бы одним из своих любимых словечек: «диссеминирующий») мир все более удаляется от того состояния, которое китайцами было названо Великим Комом (*да куай*), предельной реальностью, великим единством абсолютного бытия.

В конфуцианстве (также у моистов – *мо цзя* и легистов – *фа цзя*) была одна из основополагающих категорий *и* – долг, чувство долга, справедливость, честность, правильность, принцип, значение – подвергавшаяся постоянной критике представителями даосизма. Даосы утверждали, что *и* – результат упразднения великого Дао, затемнения пути человеческими пристрастиями, разграничения «правильного» и «неправильного», приводящего к общей деградации мира. Отсюда радикальный вывод: забыть *и*! «Забудем о наших летах, забудем о наших обязанностях, достигнем беспредельного и будем пребывать в нем без конца» [11, 73]. «Долг – это мытье рук перед едой и ничего более», – так по даосски выразилась настоятельница католического монастыря в фильме «The painted veil» (режиссер Джон Кьюррен, 2006 г.), действие которого, кстати, происходит в Китае первой половины XX в. Забывчивость даосов знаменательна во многих отношениях. Они забывали то, чего никогда не помнили. Мы же, европейцы, помнили всегда то, что, по воле случая или по воле неизбежной нашей европейской судьбы, следовало бы забыть. Даосы разоблачают любую объективированную форму, ибо она лишь видимость, критикуют любые попытки универсализации частного опыта, прозревают единство безусловное, с «отсутствием следов», которое переживается в вечном настоящем, а не концептуальное единство означающего и означаемого.

Итак, каждая вещь, каждое существо естественно самосуще. Оно, благодаря своеприродности, есть то, что есть. Мудрый «отдыхает в равновесии природы». Природная сущность естественна, постоянна и не может быть изменена. Пытаться ее изменить – значит насиловать реальность, что является

гибельным по своим последствиям, как для жертвы, так и для насильника. От сущности ничего нельзя отнять; к ней ничего нельзя прибавить. В этой точке китайское мировоззрение скликается с античным, поскольку древний грек тоже исповедовал главенство идеи неприкосновенности естества. Это исключало эксперимент, ставший впоследствии основой новоевропейской науки, методология которой провозглашает активное вмешательство в естественный ход событий, а потому исключает пассивное созерцание. «При этом природа вещи не отлична от самой вещи, она не есть ее скрытая субстанция, или некая внутренняя сущность, загадочное трансцендентальное Я», – характеризует философию Го Сяна (школа *сюань-сюэ*), жившего на рубеже III-IV вв. выдающегося комментатора «Чжуан-цзы», Е. А. Торчинов. Каждая вещь – это самосушая единичность, природа которой остается неизменной и равной самой себе. Она – манифестация своей собственной неизменной природы как инварианта всех конкретных состояний – разнообразных вариантов [7, 94–95]. Инвариантность природы вещи – это хайдеггеровское «в-себе-из-себя-стояние» самостного (само-стоятельного – *цзы дэ*) бытия природы. Как говорится в одном из наиболее значимых памятников китайской мысли «Чжуан-цзы», «принимай все, что есть в мире: сливаясь с Отсутствующим, даешь каждому быть тем, что он есть; ускользая вместе с летучим временем, послужишь каждому опорой. Тогда великое окажется малым, длинное – коротким, а близкое – далеким» [11, 129].

Шестой том грандиозного исследовательского проекта Дж. Нидэма «Наука и цивилизация в Китае» посвящен агропромышленности и лесному хозяйству. В этом томе специализированный раздел, написанный Н. Мензисом, представляет собой историю лесного хозяйства в Китае. Автор показывает, что некоторые космологические представления китайской философии могут рассматриваться как своего рода предшественники современной экологической науки: адаптация, взаимозависимость в экосистемах, влияние леса на почву, водные ресурсы и климат [12, 644; 2, 263–264]. Действительно, традиционная китайская мысль, оперировавшая «категориями» *инь* и *ян*, *у син* («пять элементов», «пять стихий», «пять действий», «пять фаз», но не «пять субстанций», что было бы более понятно для европейского мышления, воспитанного на Аристотелевых «Категориях»), *ци* (пневма), а также практикуя символическую организацию пространства (*фэн-шуй*), сосредотачивала внимание на гармонии, взаимозависимости, последовательности, баланса в природе, что предполагало, выражаясь современным языком, создание и поддержание экологической стабильности.

Мысля непрерывную смену «инь-янных» фаз, манифестирующихся во взаимовлиянии и преобразовании, китайцы пришли к мышлению не времени, а процесса. Адепты же «физики становления» (например, И. Пригожин) принципиально отождествляют время и процесс. К этому следует добавить, что китайские пять стихий суть некие первопринципы, посредством резонирования

с которыми организуются вещи «того же рода». Принцип же резонирования был заимствован из музыкальной практики, начало которой положила Ньюва – полуженщина-полузмея, архаическое божество, подарившее людям *шэнхуан* – губные органчики из бамбуковых трубок, воткнутых в тыкву-горлянку. Тело мира, таким образом, рассматривается в единстве существования, имеющем функциональное основание в подобии грандиозной резонирующей системе, своего рода мирового оркестра [7, 98].

Теперь обратимся к нашей проблеме, обозначенной в начале статьи.

Для нас природа физиологична и пассивна, лишь косный материал для рационального силового воздействия с целью обладания и потребительских манипуляций. Для даосов же природа предстает как пространство живого и согласного взаимодействия вещей-сущест, функциональное различие которых не противоречит их единству и равноценности в пустотном присутствии Дао. Отсюда и выводы, которые мы вынуждены делать при изучении вспышек насекомых-дендрофагов и их воздействия на лесные фитоценозы. Оказывается, что значение вредителей синхронно возрастает в ходе интенсивной антропогенизации и редукции естественных экосистем. К этому можно добавить нередкие случаи вспышек массового размножения насекомых-дендрофагов, адаптировавшихся в новых условиях при случайном переносе в новые среды обитания (например, непарный шелкопряд в Северной Америке). Еще одним глобальным процессом, связанным с антропогенной эволюцией биосферы, в которой насекомые играют одну из главных ролей, является изменение уровня энтропии биосферы. Становится очевидным, что этот процесс не линейен, а разнонаправлен в каждом конкретном случае. Именно в специфицированных антропогенной деятельностью условиях роль насекомых-дендрофагов будет возрастать, являясь существенным фактором эволюции измененных биоценозов, оказывая влияние на будущий облик биосферы. Принципиальный вывод исследователей: события, в которые включены насекомые-дендрофаги, не меняют ситуацию в целом, т. е. вспышки их массового размножения не оказывают существенного влияния на биосферные процессы, но на локальном уровне (например, в результате выборочных санитарных рубок) вклад лесных насекомых в функционирование фитоценозов может быть весьма существенным [5].

Выражаясь символическим языком даосов, ради торжества единой меры мы с воодушевлением «вытягиваем ноги уткам, отрубам ноги журавлям» (Чжуан-цзы): сначала подвергаем деструкции и упрощаем природу, превращая лесные экосистемы в подобие агроэкосистем (конечно же, в интересах человека!), потом начинаем бороться со следствиями – массовым размножением насекомых-вредителей, но «вещей несметно много, и каждая возвращается к своему корню», и находя оправдание в единстве мира как целого, они «могут петь так, как им поется». Представления даосов о мире как

целом и совпадении каждого частного проявления со стремлением этого целого, о единстве жизни и небесных ритмах – отнюдь не «мировоззренческая догадка» (В. С. Степин) наивных древних китайцев. В догадку превращаются представления нашей научной картины мира, которую мы так долго формировали и лелеяли, с высот пресловутого рационализма и европоцентризма высокомерно взирая на китайскую царицу наук, всегда бывшую самодостаточной и никогда не становившуюся в позицию служанки кого и чего либо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жюльен Ф. О «времени». Элементы философии «жить» / Ф. Жюльен / Пер. с франц. В. Г. Лысенко. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 280 с.
2. Киктенко В.А. Историко-философская концепция Джозефа Нидэма: китайская наука и цивилизация (философский анализ теоретических подходов) / В. А. Киктенко. – К.: НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Крымского, 2008. – С. 263–264, 530 с.
3. Кобзев А. И. Учение о символах и числах в китайской классической философии / А. И. Кобзев. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 432 с.
4. Лаоцзы. Обрести себя в Дао / Сост., предисл., пер., коммент. И. И. Семененко. – М.: Республика, 2000. – 447 с.
5. Одум Ю. Экология: В 2-х т. / Ю. Одум / Пер. с англ. Б. Я. Виленкина. – М.: Мир, 1986. – Т. 2 – 376 с.
6. Селиховкин А. В. Могут ли вспышки массового размножения насекомых-дендрофагов оказать существенное влияние на состояние биосферы? / А. В. Селиховкин // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера» / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.biosphere21century.ru/articles/155/>
7. Торчинов Е. А. Беззаботное скитание в мире сокровенного и таинственного: М. Хайдеггер и даосизм / Е. А. Торчинов // Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур. – СПб.: СПб. философское общество, 2001. – С. 89–114.
8. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного / Е. А. Торчинов. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское востоковедение», 2007. – 480 с.
9. Философы из Хуайнани: Хуайнаньцзы / Пер. с кит. Л. Е. Померанцевой. – М.: Мысль, 2004. – 430 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер / Пер. с нем. В. В. Библихина. – М., 1997. – 451 с.
11. Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит. В. В. Малявина. – М.: Мысль, 1995. – 439 с.

12. Needham J. et al. Science and Civilization in China. Volume 6. Biology and Biological Technology. Part 3. Agro-Industries and Forestry / J. Needham. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 770 p.

РЕЗЮМЕ

Є. О. Лебідь. Корелятивне мислення в традиційному Китаї та сучасна екологія.

На прикладі відносин комах листоїдів з хвойними лісами аналізується можливість взаємодії матриць китайського (даоського) світовідчуття з новітньою парадигматикою науки (екології). Показано, що у світоглядному аспекті фундаментальні ідеї даосизму резонують із сучасними екологічними уявленнями.

Ключові слова: орієнтири цивілізаційного розвитку, екологія, екосистема, комахи-листоїди, Дао, річ, присутність, сутність, процес.

SUMMARY

E. Lebid'. Correlative thinking in traditional China and modern ecology.

By example of the relationship of leaf-cutting beetles with the coniferous forests analyzed possibility of interaction of Chinese (Taoist) world-view matrices with the latest paradigmatics of science (ecology). It is shown that in the worldview aspect of the fundamental ideas of Taoism resonate with modern environmental concepts.

Key words: guidelines for civilization development, ecology, ecosystem, leaf-cutting beetles, Tao, thing, presence, essence, process.